

A man and a woman are posed in a romantic setting. The man, on the left, has short brown hair, blue eyes, and a light beard. He is wearing a light blue button-down shirt and dark trousers, with a dark jacket draped over his shoulders. He is looking directly at the camera with a serious expression. The woman, on the right, has long, straight brown hair and blue eyes. She is wearing a light grey, textured knit sweater and dark trousers. She is looking at the camera with a soft expression, her hand resting near her neck. The background is a blurred indoor space with warm lighting.

Елена
ГРОМ

Нельзя (не)
ЛЮБИТЬ

Любовь Попова Елена Гром Нельзя (не) любить

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68298053*

Аннотация

«Господи, какой же он красивый, и какой сейчас холодный. Ничего общего с мужчиной, который любил меня вчера. Вчера он был другим. Даже глаза. Вчера я в них купалась, сегодня они протыкают льдом насквозь.

– Мы можем... Поговорить?

– Я вроде сказал, чтобы ты мне не звонила.

– Так я вроде и не звонила, – пытаюсь улыбнуться, но он даже не шевелится. – Я приехала.

– И?

– Ник, – я подхожу ближе, смело касаюсь его руки. – Давай поговорим. Я все объясню и вообще... Хочу остаться с тобой наедине.

– Я опаздываю на самолет, Настя.

– Еще нет. Еще есть время. Прошу тебя, Ник. Я на все готова...»

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Настя	7
Глава 2. Николас	15
Глава 3. Настя	21
Глава 4. Настя	27
Глава 5. Настя	33
Глава 6	40
Глава 7. Николас	47
Глава 8. Николас	55
Глава 9. Настя	63
Глава 10. Николас	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Елена Гром, Любовь Попова Нельзя (не) любить

Пролог

Господи, какой же он красивый, и какой сейчас холодный. Ничего общего с мужчиной, который любил меня вчера. Вчера он был другим. Даже глаза. Вчера я в них купалась, сегодня они протыкают льдом насквозь.

– Мы можем... Поговорить?

– Я вроде сказал, чтобы ты мне не звонила.

– Так я вроде и не звонила, – пытаюсь улыбнуться, но он даже не шевелится. – Я приехала.

– И?

– Ник, – я подхожу ближе, смело касаюсь его руки. – Давай поговорим. Я все объясню и вообще... Хочу остаться с тобой наедине.

– Я опаздываю на самолет, Настя.

– Еще нет. Еще есть время. Прошу тебя, Ник. Я на все готова.

Ник наклоняет голову, касается взглядом моих губ, от чего в жар бросает, потом ниже, туда, где растегнута пуговица.

ка.

– Ну раз на все, то пойдем... Поговорим.

Волнение закручивает спиралью внутренности, но я все равно иду за Ником, куда бы он меня не вел. Но действительно удивляюсь, когда он заводит меня в обыкновенный туалет отеля.

– Здесь?

– А тебя что-то не устраивает? – щелкает он замком и расстегивает пиджак. Сует руки в карманы и прислоняется к стене, продолжая на меня смотреть. Так же холодно смотреть, на грани презрения.

– Нет, нет. Можно и здесь. Ник я... – а что говорить то. Как объяснить свое поведение. – Я люблю тебя. Я очень, очень тебя люблю. И вчера. Я... Я испугалась. Такая ситуация, согласись было неудобно...

Я натужно смеюсь, но уголки его губ даже не приподнимаются.

– Не молчи, прошу. Ты же меня знаешь, знаешь, что я все сделаю, только чтобы ты меня простил. Ты должен понять, что меня не каждый день застают со спущенными штанами, но я поняла свою ошибку. Ник, ну не молчи!

– Ты пришла что-то доказывать?

– Да, да, конечно, – подхожу ближе, почти вплотную, втягиваю манящий аромат его мужественной силы, его энергии, его ауры.

– Так начинай.

Он вдруг берет меня за волосы, сжимает челюсти и щелкает пряжкой ремня. Тянет ниже, вынуждая опуститься на колени. И я понимаю, я все понимаю. Я должна любым способом убедить его в своей любви, даже если придется сделать это столь унижительно. То, о чем я только гадала. Но разве я имею права отказать, разве я имею права не сделать любимому приятно.

Глава 1. Настя

– Я хочу купить эту машину прямо сейчас.

Мое внимание привлекает мужской голос. Такой низкий, хриплый, с ленцой.

Я бы обернулась, то это как-то невежливо. Зато девушке за ресепешном плевать. Она просто смотрит мне за спину, откровенно пялясь куда-то.

– Я жду уже десять минут, – тороплю ее. Мне ехать надо. – Машину мне мою можно вернуть?

– Что? – Брюнетка наконец поворачивает ко мне свои остекленевшие глаза и берет квитанцию. – А, да, сейчас все узнаю.

Она уходит, продолжая поглядывать назад. И мое женское любопытство берет вверх.

Я поворачиваюсь. Смотрю.

И лучше бы не смотрела.

Мужчина стоит боком, оформляя покупку. Белая рубашка с закатанными рукавами до локтей оттеняет загар, пиджак переброшен через локоть. Не могу оторвать взгляд от этих рук, чувствуя внезапный прилив жара. Это такие руки. Они выглядят потрясающе мужскими. С тугими канатами вен, редкой порослью темных волос. С такими же надежными, как у меня, часами на толстом ремешке.

Но пальцы затмевают все.

Как замороженная смотрю на зажатую в них ручку. У него идеальный профиль. Трехдневная небритость, которая ему очень идет, вкупе с квадратной челюстью. Крупный нос и темные волосы.

Так и хочется спросить, а где таких делают.

Ну что ж. Теперь я могу понять девушку. Он реально самое сексуальное, что я видела в своей короткой жизни.

И, кажется, он прочитал мои мысли.

Заканчивает оформление и поворачивает голову, заставляя меня за подсматриванием. Наверное, он к этому привык. А я вот точно краснею и отворачиваюсь.

Ко мне уже спешит девушка, и я рада, что могу побыстрее уйти от объекта, который вызвал столь яркое смятение в груди. Сердце до сих пор колотится как бешеное. И я могу ошибаться, но, мне кажется, он тоже теперь подглядывает. Волосы на затылке шевелятся. По спине холодок.

– Ваша машина готова, можете пройти в гараж.

– Спасибо, – забираю я бумажку и, подтянув сумку на плече, иду к выходу.

Жаль будет, если я еще раз не увижу его. Хоть раз. Так что позволяю себе эту слабость и, закрывая стеклянную дверь, смотрю прямо на него. Сердце делает кульбит, потому что он получает ключи от машины, ждет, когда ему откроют ворота, но продолжает оценивать мой внешний вид.

Джинсы, пуловер, кроссовки. Ничего особенного.

Мне так хочется посмотреть какого цвета у него глаза.

Я выхожу из дверей автоцентра и слышу приятный, урчащий звук мотора. Словно его голос в другой интерпретации.

Уехал. Значит, можно и забыть, что вообще его видела. Если вообще возможно забыть такого мужчину.

Я обхожу здание и сразу успокаиваюсь. Моя малышка. Пежо-жук. И нет для меня лучшей машины. Последнее время малышку стало вести вправо, и я отдала ее в ремонт.

Из машины выходит парень лет двадцати. Спортивное тело распирает футболку и рабочий комбез. А на лице самодовольная улыбка.

– Все в порядке? – хмурюсь, протягиваю руку.

– Да. – Он не торопится отдать ключи. – Запишите мой телефон. Если с машиной будут проблемы, можете позвонить. Женья.

Ключи забираю и, махнув длинной косой, сажусь на водительское место.

– Если будут проблемы, я позвоню в сервис. Спасибо, Женья.

Нажимаю на газ и выезжаю на проезжую часть, осматриваясь по сторонам. Но моего горячего красавчика нигде нет. Может, и к лучшему.

Включаю чуть громче радио, подпевая любимой мелодии, торможу на перекрестке, просматривая сообщения от мамы, отца, бабули и однокурсницы Светки. Но ответить не успеваю, потому что до зеленого сигнала всего несколько секунд. Но в тот же миг чувствую по коже мороз. С чего бы... Сей-

час лето, и я в теплом пуловере. Но интрига быстро раскрывается, когда я вижу сбоку знакомую новенькую машину, а за рулем того самого мужчину моей мечты.

Теперь я знаю, что такое аритмия, потому что сердце скоро выпрыгнет из груди. Он так держит руль, так смотрит. На него хочется пялиться, и, как бы ни было неприлично, сил бороться с собой нет.

Случайность. В таком большом городе. А кто я такая, чтобы игнорировать случайные подарки судьбы. Кто я такая, чтобы игнорировать внимание такого мужчины.

Он не улыбается, не подмигивает, просто держит крепко руль, увлекая меня в порочный мир фантазий. Надо запретить так смотреть на женщину, словно снимая с нее слои одежды, правил, моральных устоев, которые ей вбивали родители.

Такой взгляд мужчины может заставить делать все по одному только щелчку пальцев. Он и сейчас лишь взглядом держит меня на коротком поводке. Перед такими я как открытая книга, которая сама готова прыгнуть к нему в руки.

В следующий миг меня отвлекает гудок автомобиля. Оказывается, давно включился зеленый свет. Я вздрагиваю и теряю момент, когда фольксваген улетел вперед. Я же, вздыхая потихоньку, стартую, расстроена, что оказалась не такой, какая может заинтересовать подобного мужчину. Хотя мне это, конечно, и не нужно. У меня экзамены на носу. Стенгазета и куча обязанностей в общежитии, где я живу. Вот к нему я

и подъезжаю и замечаю, как активно мне машет Светка. Она очень хорошая. А главное – умеет отвлечь меня от учебы, на которой я порой зависаю. Не замечаю ничего вокруг.

– Забрала пузатика? Как едет?

Господи. Я ведь даже не поняла, починили ли машину.

– Ну вроде доехала, – пожимаю плечами, и Светка закатывает глаза.

– Опять поди аудиокнигу слушала?

– Нет...

– Ну а что? – берет она меня под руку и ведет к универу, которые находится чуть в стороне.

– Видела мужчину, которому готова отдать свою девственность.

Светка резко тормозит, встает напротив меня, широко открывая глаза.

– Шутишь? Не шутишь. И где он? Ты взяла телефон?

– Я видела его мельком. И, скорее всего, больше не увижу, так что буду вечной старой девой.

Светка смеется, чем привлекает к себе повышенное внимание. Нам машет несколько парней с параллельного потока. Симпатичные, но не ах.

– А мы его найдем и тогда...

– Я его не заинтересовала, так что нафик ему моя невинность не сдалась. И хватит об этом. На нас уже смотрят.

– Ну вот, ты меня расстраиваешь. Шпоры, кстати, у меня

в чулках.

– А учить не пробовала?

– Ну я же не такая поехавшая, как ты, – подмигивает она, и мы поднимается по ступеням на крыльцо нашего универа. Нравится мне учиться. Новое узнавать. Лучше быть. К языкам у меня с детства были способности, так что ничего удивительного, что выбрала я филологический.

После экзамена Светка собирает всю группу и предлагает завалиться в местное кафе, чтобы просто отметить последний экзамен в этом году.

Я уверена, что после она и в клуб пойдет, но туда я не хожу принципиально.

Мы стоим и ждем еще несколько человек, как вдруг ощущаю, как колет кожу в области лопаток. Я хмурюсь и верчу головой в поисках нужного объекта. А когда понимаю кто это, замираю.

Нет, я, конечно, сказала, что готова лишиться с ним девственности, но кто же знал, что увижу его снова. Да еще так скоро.

Мой горячий незнакомец стоит, облокотившись на новенькую машину, и выпускает из рта клубы дыма. Смотрит при этом прямо на меня. Не замечает ни яркой Светки. Ни не менее красивой Ленки. Да мало ли в нашей группе красивых девчонок. А он на меня смотрит. Почти пожирает взглядом. А мне нужно гордой быть, отвернуться, с ребятами пойти.

– Насть? Ты чего? – пихает меня Светка, а я мотаю голо-

вой, теряясь в догадках. Но что я вру самой себе. Я уже приняла решение.

– Ничего.

– Ты видишь его? – Она шипит мне на ухо, и я киваю. – Только не говори, что это он?

– Он самый. Я пойду, ладно?

Ответа не дожидаясь, шагаю на ватных ногах вперед, приближаясь как бабочка на огонь. И что-то мне подсказывает, что пламя в его голубых глазах запросто может меня спалить.

– Привет, девочка с косичкой.

– Привет, немец.

Он наклоняет голову, щурится, словно я сказала что-то не то.

– Почему немец?

– Ну машина у тебя немецкая.

– Точно, – открывает он мне двери, и я, дрожа всем телом размышляю. Поднимаю глаза, но он не похож на тех, кто склоняет к сексу. – Кстати в Европе за склонение к сексу сажают на приличный срок. А мне очень дороги мои капиталы.

Я слышала про это. И даже успокоилась.

– Да я даже не думала...

– Так и я лишь разговор поддерживаю, – усмехается он и я сажусь на пассажирское кресло. – Я в Москве давно не был. Покажешь, что изменилось?

– А где ты жил? – спрашиваю, цепляя застёжку ремня, а незнакомец накрывает мои пальцы и сам тянет ремень без-

опасности. Втягиваю живот, когда он наклоняется. Но грудь все равно задета. И теперь там настоящее цунами. А еще запах, он буквально обволакивает меня. Густой, цитрусовый, с нотками пряного табака и мяты. Это делает меня почти растаявшей карамелью. Еле живой рядом с ним.

– Удобно?

– Что? А... Вполне, – еле дышу, на что он прячет усмешку.

– Где я только не жил. Но давай начнем с вопросов попроще.

– Например? – еле выдыхая, смотрю на его изогнутые губы. Любопытство буквально съедает меня. Ведь теперь я узнала, какие у него по цвету глаза. А какие на вкус губы?

– Как тебя зовут, девочка с косичкой?

Глава 2. Николас

– Настя, – отвечает сразу, не таясь. Без ужимок и женских уловок вроде «А отгадай». Я зарекся связываться с русскими женщинами. Еще очень давно, поняв, что нет в них стабильности. Они никогда не знают, чего хотят. Вот даже эта малышка.

Ну понравился тебе мужик, ну дай ты знать. Нет, она будет хлопать длиннющими ресницами и махать косой. Длинной такой, до самой крепкой задницы, обтянутой джинсами. И пальцы уже немеют от желания накрутить эту косу на кулак и прогнуть крошку в пояснице посмотреть, так ли хороша ее сливочная кожа в других местах.

– Ну привет, Настя, – отстраняюсь, не давая ей себя коснуться и иду за руль. Тачка отличная. Пусть и собранная где-то под Тольятти.

Я не хотел за ней ехать. Но то, как она оглядывалась по сторонам, рискуя попасть в аварию, цепануло кроме всего прочего, что имеет малышка. Таким запрещено по улицам ходить без сопровождения, они ходячий магнит для бабников вроде меня. Кто не захочет положить такой трофей к себе в постель? Я точно не из таких. Тем более она сама просится ко мне на ручки.

Свои она сложила на коленях, ну прямо примерная девочка. Или боится меня.

– Настя, – пробую имя на вкус. Оно чисто русское, мягкое. Такое же, как она. – Хорошее имя. Тебе идет.

– Обязательно передам благодарность бабушке. Она выбирала.

– Передайте, – забавная. – А я Ник.

– Ник от слова...

– От слова Николас.

– Коля получается.

Почему-то смеюсь. Так меня пытались называть многие в России, но почему-то только от нее это прозвучало почти мило.

– Мне не нравится это имя. Но, возможно, я подарю тебе эксклюзивные права в более приватной обстановке.

– Куда уж приватнее, – улыбается она. – Мы ведь сейчас одни.

– Да, и сотни машин вокруг нас. Ну так что, котенок, с чего начнем?

Не удивлюсь, если с магазинов. Женины во всем мире спешат продемонстрировать мужчине достопримечательности шопинга.

– Если честно, я бы предпочла прогуляться и начать с тебя. Экзамены – вещь такая. Не знаю, помнишь ли ты.

– Думаешь, я совсем старик?

– Но старше меня точно. И, судя по запросто купленной машине, последние годы заколачивал состояние.

– Ну я, скорее, его оберегал и взращивал. Но твоя осве-

домленность пугает. Ты не шпионишь за мной? – наклоняюсь на светофоре, снова вдохнув смесь сладких ягод и мяты. Хочется съесть эту ягодку прямо сейчас, так она хороша.

Но с девственницами я тоже зарекся связываться, больно проблем много. Вряд ли ее устроят гостиничные отношения.

– Эта теория ломается одним щелчком пальцев, – щелкает она перед моим носом, своими наманикюренными прозрачным лаком пальчиками, – ведь это ты за мной следил.

Я слишком стар, чтобы себя обманывать.

Только преждевременная смерть помешает мне поиметь эту малышку.

– Не смог устоять. Для прогулки подойдет набережная?

– Отлично! – смотрит она прямо, периодически поглядывая на мой профиль. – Вон там есть парковка.

– Вижу.

Мы паркуемся рядом с набережной, и, встав на мощеную дорожку, я понимаю, что сам не ходил без цели уже очень много времени. Это в юности принято гулять, держаться за ручки. Но я вижу, как малышке этого хочется. Так что спокойно беру ее за руку, переплетая наши пальцы.

– Мне кажется, это слишком, – смущается она, но я не отпускаю.

– Это чтобы тебя ветром не сдуло.

– Считаешь, я худая?

– Нет, ты идеальная. Тем более лучше держать тебя поближе, – тяну к себе, продолжая шагать прямо. Щелкаю бре-

локом, закрывая машину.

– Значит, все-таки немец. Но у тебя совсем нет акцента.

– Я жил в России долгое время, потом даже женился здесь, но в основном бизнес веду в Европе.

– И сейчас женат? – напрягается она всем телом. Даже тормозит.

– А это важно?

– Конечно, важно. Я точно не та, кто будет делить мужчину с кем-то еще.

Ого. Какие громкие заявления.

– То есть, – притягиваю ее к себе почти насильно, – Ты хочешь заявить права уже не только на мое имя, но и на меня?

– Зубы мне не заговаривай, – шипит она кошкой, выворачивается, а я спиной ее к себе прижимаю. Котенок. Зубы сводит от желания забить на всю эту романтическую чепуху и отвезти ее к себе в отель.

– Я не женат, котенок.

Она выдыхает, но не спешит вырываться. И со стороны может показаться, чтобы мы просто стоим в обнимку, глядя на воду, но только мне понятно, что это чертова прелюдия и скоро вот так мы будем стоять в спальне отеля. Только ее спинка будет прогнута, а рот раскрыт, выдыхая раз за разом «еще».

Есть в этом что-то. Девственница. Если, конечно, оно так и есть. Может, это вообще все игра, и девочка решила найти себе богатого папика. И такие мне попадались. Правда, от-

правлялись в вечный бан после первого кастинга.

Даже интересно, будет ли так же с Настей.

– Хорошо. А то я хотела тебя в реку скинуть. Ты знаешь, а ведь это мое первое свидание.

– Даже так, – разворачиваю ее к себе и смотрю на губы. – Мне очень интересно узнать, а где еще я могу стать первым?

Ее губы так близко, почти касаются моих, но она вскрикивает и убегает в сторону деревьев.

– Белка! Ты посмотри, там белка. – Она выискивает взглядом рыжие хвосты, пока я смотрю, как колеблется ее коса на заднице. Дать бы по ней, чтобы такие моменты кайфовые не прерывала. Хотя наблюдать за тем, как она белок кормит, тоже одно удовольствие.

– Орешки у тебя откуда?

– Я уже месяц пытаюсь попасть на эту набережную, – поднимает она счастливое лицо. – Все время с собой таскаю с надеждой. Хочешь?

– Кого?

– Белок покормить, – хохочет она, и от ее смеха только кровь сильнее в венах бурлит. Она будет так же смеяться, когда я пощекочу ей пятки, прежде чем закинуть их себе на плечи.

– Мне сорок лет. Я никогда не кормил белок, Настя.

– Тебе сорок? – Она поднимает брови. – И ты никогда не кормил белок, Ник. Мне кажется, самое время начать это

делать. Иди сюда.

– Я тоже так скажу тебе сегодня, – вздыхаю, сдаваясь. Разве можно отказать такой улыбке. – И попробуй только отказать.

Подтягиваю брюки и сажусь на корточки. Белки тут же отпрыгивают, но Настя берет мою руку в свою и насыпает туда орешков. Судя по запаху свежих.

– Не надо быть таким букой.

– Просто чувствую себя идиотом. Сейчас меня снимут на камеру, и в новостях покажут, чем занимается миллиардер вместо работы.

– Не переживай. Если снимут на камеру, будут говорить, что очередная нимфетка захомутила холостяка.

– Захомутила? Это что за слово?

– Ну, – смеется она подсыпая белкам еды. – Раньше на лошадь хомут надевали. Отсюда и слово захомутали.

– Понял. А ты, значит, меня захомутила? – спрашиваю, чуть толкая ее. Она тут же со смехом валится на задницу и смеется. Но пока я смотрю на нее, замирает и почти шепотом спрашивает:

– Захомутила?

– Захомутила.

Глава 3. Настя

У него синие глаза. Не бесцветные стекляшки, а насыщенные, глубокие, словно океан. И каждый раз, когда он смотрит вот так, я в нем тону. Мне, наверное, нужно попытаться хотя бы выплыть. Хотя бы на мгновение понять, что столь взрослый мужчина не будет просто так проводить со мной время. Конечно, понятно, что ему от меня нужно. Но я не хочу выплывать. Мне нравится и дальше захлебываться желанием рядом с ним. Ощущать на себе жадные взгляды, смотреть, на что он готов, только чтобы уложить меня в постель. Даже кормить белок, пачкая свой фирменный костюм.

– Ну раз белки накормлены, то можно поесть и нам?

– Ты так сказал, словно миссию выполнил, – усмехаюсь я и встаю. Теперь я смотрю на него сверху вниз и все равно не чувствую себя выше. Кажется, он будет главенствовать в любой позиции.

– Еще нет, но я в процессе, – поднимается он и берет меня за руку, тянет к себе, и я ощущаю, как от предвкушения трепещет все тело. Это идеальное место для первого поцелуя. И меня тормозит только то, что я знаю его всего лишь час. Но кажется, что гораздо больше. Кажется, что он не зря пришел покупать машину именно в тот салон. И, словно мои мысли читая, он шепчет у самых губ:

– Страшно представить, если бы я сегодня купил машину

где-то еще.

– Почему? – Мне нужно это услышать. Знать, что не я одна уже так глубоко во всем этом.

– Ведь я мог тебя не встретить, девочка с косичкой, – шепотом, сокращая расстояние до миллиметров, но не касаясь, давая позволение передумать. Решиться на этот шаг.

Я прикрываю глаза, шумно выдыхая, чувствуя как губы щекочут его. Мягко, но в то же время настойчиво он целует меня. Вкус его губ терпкий, с нотками табака и парфюма. И я окунаюсь в этот поцелуй, теряя ориентиры, теряя себя. Смело обнимаю его за шею. Горячая кожа. Так близко бьется его сердце. Так гулко, что собственное пытается шагать в такт с ним.

Он отпускает меня первый, но держит крепко, глядя в глаза. Наверное, это и правильно. Я бы не смогла оторваться от этого источника жизни, пока не задохнулась.

– Мне хочется петь и танцевать, настолько мне сейчас было приятно.

Ник улыбается, большим пальцем трогает мои губы, приближает лицо.

– Это только начало, малыш. Когда я сделаю тебя своей, ты будешь умирать от счастья.

– Мне уже страшно... – улыбаюсь в ответ, касаясь его губами снова, целуя так крепко, как только может влюбленная девчонка. А с тем, что я впервые в жизни влюбилась, даже спорить не надо.

– Не бойся, тебе понравится.

Он отрывается от меня, и теперь я уже без страха переплетаю пальцы наших рук. От этого импульсы бьют тело в самых неожиданных местах. Я никогда не думала, что можно кем-то так быстро увлечься. Не верила, что возможно влюбиться с первого взгляда. Но разве сегодняшний день и эта встреча не прямое тому доказательство? И то, как он нежен, как ласково целует мое ушко, подтверждает, что это взаимно. Что он только мой.

– Расскажи о себе. Все-все, – почти прыгаю я, подстраиваясь под его шаг.

– С места и в карьер, – усмехается Ник, заправляя прядь моих волос за ухо. – Спрашивай.

– Сколько тебе лет?

– Сорок.

– Ого. – Почему-то я думала меньше. Он выглядит на тридцать пять, ухоженный, подтянутый. Так странно влюбиться в ровесника собственных родителей. Но разве это важно? Разве вообще есть что-то важнее того, как он держит меня за руку, как смотрит, как целует.

– А где ты родился?

– В Швейцарии. Если хочешь, можем туда съездить, – прижимает он меня к себе ближе, и я закусываю губу. Его руки такие сильные, обминают так крепко, что я вся сжимаюсь от удовольствия. – У меня есть дом с видом на горы. Только представь себе, как мы будем просыпаться с рассветом. Там

потрясающий вид. Почти такой же потрясающий, как ты.

– Перестань. – Он снова прижимает меня к себе, как только мы находим среди деревьев место поукромнее. – Ты начинаешь меня смущать.

– Я говорю правду, Настюш. У меня от тебя крышу рвет. И ты так пахнешь. – Он проводит кончиком носа по шее, пока меня бьет мелкая дрожь. – Мне хочется знать о тебе буквально все. Снять с тебя одежду, поцеловать каждый участок твоего совершенного тела.

– Хватит, – задыхаюсь я, пока его губы скользят по плечам, ключицам, пока за спиной такое твердое дерево, а в бедро вжимается что-то столь же твердое.

Нет, я не совсем наивная, я понимаю все. Но не думала, что чувствовать его будет столь волнительно. И точно не думала, что оно будет столь большим.

Он находит мои губы, целует сначала мягко, как в первый раз, но стоит мне простонать ему в рот, как все меняется. Теперь во мне его язык, требовательно заявляющий права, вынуждающий отвечать ему с такой же силой.

– Простите, – отвлекает нас какая-то женщина. И я вижу ее сквозь пелену флера и похоти. – Тут вообще-то гуляют дети, а вы занимаетесь непотребством.

Ник только усмехается и уводит меня обратно на дорожку, пока женщина с детьми продолжает кричать нам вслед.

– Неудобно вышло. Наверное, не стоило мне позволять тебе...

– Это ты на меня накинулась.

– Что? Да я даже не ожидала.

– Вот так и попадают в женские ловушки, – продолжает он усмехаться, и я хочу ударить его в плечо, а он только поднимает меня на руки и кружит. – И вообще, она просто тебе завидовала.

– Потому что я с тобой?

– Кроме того ты молода и красива. На твое место хочет каждая. Особенно когда у нее пара обуз на шее.

– Обуз? Это ты про детей?

– Про них.

– Дети от любимого человека – это прекрасно. У моей матери трое, и она безумно их любит.

– Она их любит, пока их отец любит ее. А потом...

– Что потом? – напрягаюсь. Мне интересно, что он имеет против детей. Лично я уже придумала имена нашим. Мальчик и девочка. Димитрий и Элеонора.

– А потом она начинает вымещать обиду на детях. Слушай. Темы какие-то у нас пошли. Может, нам лучше пообедать.

– Это серьезные темы, и мы к ним вернемся.

– На кого ты учишься?

– На учителя.

– А-а, ну все ясно. Тогда, конечно, вернемся. И ты меня научишь, как правильно думать про цветы этой жизни.

– А ты циничен. – Не обижайся. Не обижайся Настя. Он всего лишь судит со своей колокольни.

– Мне много лет, Малыш. В этом возрасте не циничны только аутисты.

Ладно, в конце концов, и недостатки у него должны быть.

– У меня мама не такая.

– Я рад, что ты тоже сохранишь свою чудесную веру в лучшее, – щелкает он меня по носу и подводит к своей новенькой машине. Открывает дверь. – Ну что? Едем обедать? Отмечать твою сдачу экзаменов, я полагаю. Ведь из-за меня ты осталась без праздника.

– Думаю, ты сможешь создать не просто праздник, а сказку.

– Думаешь, я принц?

Глава 4. Настя

– Мне хочется в это верить, – беру его за лацканы пиджака и тяну на себя, целую, сама толкаясь языком ему в рот, ощущая, как меня затягивает все глубже. Он не идеальный. Он такой, какой есть. И даже циничность будоражит, ведь это значит, что он сможет научить этому и меня.

Может быть, я тогда дам понять родителям, что давно уже не ребенок.

– Я, скорее, дракон, который хочет сжечь тебя.

– Тогда мне остается только сгорать и получать удовольствие.

– Хорошая девочка. – Он садится за руль, и мы выезжаем на проезжую часть. Я снова и снова задаю ему вопросы.

– А в каком городе? А кто твои родители? А есть братья и сестры? А в чем заключается твой бизнес.

– Можно подумать, ты решила взять у меня интервью.

– Мне же интересно.

– Не сомневаюсь. Но давай сначала пообедаем. С утра крошки не держал во рту.

– А я думала, что сегодня твой обед я. – И откуда во мне это желание пофлиртовать. Но мне так нравится, когда он улыбается, когда его глаза блестят, загораются жадой, которая поглощает и меня.

– Ты десерт. – Его рука случайно задевает мое бедро, а

взгляд скользит по груди, перетянутой ремнем.

– Как пироженка? Знаешь, такая воздушная.

– Не-ет. – Теперь он даже не стесняется. Его пальцы поглаживают бедро, и я невольно раздвигаю их в стороны, словно пытаюсь остудить тот жар, что меня охватывает. – Ты как мороженое в кляре.

– Что? – задыхаюсь от его голоса, от его рук, что смело сжимают коленку.

– Есть такой десерт. Шарик мороженого обворачивают сладким тестом и кидают в фритюр. Сначала ты пробуешь корочку, хрустящую, чуть солоноватую, но стоит надкусить, как мороженое буквально тает на языке.

Я отворачиваюсь, не в силах больше смотреть на то, как двигаются его губы, как звучит его голос. Если таким голосом змей соблазнял Еву, тогда понятно, почему она лишилась рая. Любая бы лишилась.

Машину вдруг тормозит, и я не успеваю отстегнуться, как его рука сжимает мою косу, потянув назад, а губы шепчут в самый рот:

– Уже полчаса мечтаю это сделать.

Его горячие твердые губы уносят меня в другую реальность, где плещутся волны и я на них. И чем настойчивее его язык, тем сильнее волны. И стоит второй руке коснуться моей груди, как я тону, захлебываясь в ранее неизвестном ощущении полной окрыленности. Желания принадлежать ему одному. Прямо сейчас. Может быть, поэтому я и не спро-

тивляюсь, когда с груди рука скользит ниже, когда задирает пуловер и касается обнаженного живота. Где-то на уровне подсознания голос шепчет мне, что я слишком доступна для одного дня знакомства, но в момент оказавшись на его коленях, обхватываю его ногами и отмахиваюсь от этой глупой мысли.

Зачем терять время? Я не ребенок, я женщина, а он мой мужчина.

– Господи, да ты как бенгальский огонек, чуть подожги и взрываешься, – шепчет Ник, поглаживая мне спину, задирая кофту все выше, вжимаясь в промежность стальной плотью, сдавливая грудную клетку своей. – Так, хватит. Я еще сексом в машине не занимался.

Он усаживает меня обратно в кресло и сжимает руль пальцами. А я не понимаю, что произошло.

Сексом в машине. Это получается, я чуть не отдалась ему в машине?

– Так, мы вроде поесть хотели?

– Да. – Что я творю? Что он за дьявол, способный так просто взять то, что я никому никогда не обещала?

– Пошли. – Он выходит из машины, а я за ним, как пьяная. Пытаюсь понять, как так вышло, что я иду с ним в отель.

– Отель? В Москве полно хороших ресторанов, – торможу я у самого входа. Ник не выпускает мою руку, поворачивается и поднимает брови.

– Но ни в одном из них нет такого вида, как в моем но-

мере.

Я вытаскиваю свою руку из его, продолжая поглощать образ мужчины, ради которого готова была спокойно предать то, во что верила. В любовь, которая может продлиться всю жизнь. В то, что мужчина будет ради тебя горы сворачивать. Но я прекрасно помню, что если мужчина ведет тебя в отель, то все закончится так же быстро, как началось.

И я смотрю на Ника почти умоляюще.

– Может, все-таки лучше ресторан? Ты так и не рассказал о себе, а в номере мы будем...

– Продолжим то, что начали в машине. – Он шагает ко мне, а я не в силах оторвать взгляд, отойти или не дать себя коснуться, когда его руки берут мое лицо в плен. – Только не лги, что тебе не понравилось, малышка.

– Не лгу. Просто мне кажется, я не готова побывать в твоём номере сегодня. Может быть, завтра?

– Завтра я улетаю. У меня самолет в семь утра.

Резко. Хлестко. Как пощечина. И лицо становится другим. Словно ему надоело возиться с малолеткой. Словно я не оправдала его ожиданий.

– Ты же купил машину.

– Мне так проще. Не люблю, когда меня везут.

– То есть сегодня мы бы занялись любовью, а наутро ты бы меня оставил? – Эта картинка словно на перемотке перед глазами. Я просыпаюсь, а его нет. И я даже не знаю, как с ним связаться. Сколько таких вот дурочек побывало в его

постели.

– Настюш, ну что за глупости. – Его губы на моих. Целуют, уговаривают, и я снова почти готова на что угодно. Только чтобы с ним. – Я бы оставил номер телефона, мы бы созванивались, а потом бы я снова приехал. Или ты ко мне.

– Меня вряд ли устроят отношения на расстоянии, – шагая назад, убирая от себя его руки.

– А я вряд ли ради тебя перееду сюда.

– Ну конечно. Конечно. Мы и знакомы-то всего час. Ладно, мне пора. – Хочу поскорее уйти, а он меня тормозит, вжимает в себя спиной, рыча на ухо:

– А на что ты, Настя, рассчитывала? Что, может быть, я сразу сделаю тебя своей любовницей? Сделаю твою жизнь проще? Куплю нормальную машину и буду обеспечивать? Так для этого нужно показать, на что ты способна. Там, в номере. На кровати, широко раздвинув ноги.

– Прекрати! – пытаюсь вырваться, но его руки как стальные тросы, вжимают меня в себя все сильнее, чтобы я ощутила и его гнев, и силу его желания.

– Чтобы что-то поиметь, нужно это заработать. Или ты думала, что твоя девственность все решает. Если она, конечно, есть...

Поднимаю колено и с силой бью его по голени.

Он отпрыгивает, а я еще и успеваю ударить его по щеке.

– Я не хочу быть твоей любовницей и даже видеть тебя не

хочу. Уезжай в свою Швейцарию и любуйся на горы один.

Ухожу в сторону, смотря как он выпрямляется.

– И у меня отличная машина, понял? Самая лучшая!

С этим и убегаю в сторону метро, чтобы добраться до своего общежития, где теперь вместе со Светкой могу с полной уверенностью говорить, что все мужики козлы.

Глава 5. Настя

Ну какая же я все- таки дура. Никогда я еще не чувствовала себя так, словно на меня ушат помоев вывалили.

Это он, получается, думал, что я к нему в любовницы напрашиваюсь, что играла в дурочку ради его денег?

Скотина! Урод!

А я тоже.

Повелась на крепкое, мужское тело, словно никогда таких не видела. На тело старика! На речи его завлекательные. Да меня не один парень так не привлекал, таких чувств не вызывал, но все равно, чем думала?

Добежав до метро, я еще и на поезд не успела. И теперь не сидеть мне горевать у окошка, а стоять и ждать следующий под внимательными взглядами окружающих. Ну всем же интересно, чего это девушка плачет. Для них всех моя проблема ерундовая, а мне вперед шагнуть хочется, исчезнуть.

И я ведь отдалась ему почти. Там, в машине, очень явно ощущала свое желание. Оно кружило меня в вихре, дышать не давало. А теперь стыд душит. Слезы потоком.

Реально повелась, как дурочка.

Приезжает следующий поезд, и я, забежав в вагон, усаживаюсь в дальний угол, натянув на себя скорбную маску. Если бы о моей оплошности узнал отец, упреками бы обсыпал. А дядя бы высмеял. А дед бы только покачал головой, мол ни-

чего другого он не ожидал от меня.

Все они учили меня быть скрытной и сдержанной. Особенно имея такую известную фамилию.

Даже появилось злорадное желание, чтобы этот франт узнал, что я не бедная студентка из общежития, а наследница одной из самых богатых семей России.

Просто меня так достала опека деда и отца, а квартиру они покупать мне отказались, что пришлось отправиться, как все студенты, жить в общагу.

Мама конечно помочь хотела. Она у меня золотая. Но за чем я их сорит буду.

Вот и моя станция. Выхожу и тут же врезаюсь в парня. Сразу внутри боль всколыхнулась. Он тоже пахнет сигаретами. Но дешевыми.

– Простите... – пытаюсь отойти я, дать ему пройти. Но он берет меня за локоть, и я оборачиваюсь.

– Настя? Да? Я тебя помню.

– Точно. Женя из автомастерской. – вспоминаю я развязного парня, отдавшего мне ключи. Сейчас он в обычных спортивках и лонгсливе.

– Скажи, судьба?

Вот уж точно, встретить двух парней из таких разных миров, которых видела в салоне, судьба. Только понятно, что ни к чему хорошему она не приведет.

– Мне надо идти, Женя.

– Так давай провожу.

– Не надо. Мне тут пять минут.

– Так ведь и мне, – увязывается он за мной, а мне настолько пофиг уже, что я просто вперед плетусь.

– А ты плакала? Обидел кто?

– Слушай, ты либо молча идешь, либо на поезд садишься и сваливаешь.

– Все, понял.

Он остается и провожает до самой общаги. Иногда какие-то слова говорит, но я не слушаю, а еще на звонки отвечает, договаривается о ремонте машин. И тут вдруг ругается. У самого входа.

– Бл... Телефон сел. А мне позвонить срочно надо. Можно твой взять?

– Что? А, да. Держи, – достаю свой айфон и протягиваю ему.

Он присвистывает, разглядывая недешевую игрушку и набирает какой-то номер. Долго звонит, но ему так никто и не ответил.

– Эх. Спасибо, Настя. Может быть, еще раз...

– Пока, Женя, – машу рукой...

Ну вот почему с такими хлыщами мне просто разговаривать. Наверное, потому что не о чем. Они считают, что неотразимы и их хочет любая. Но ведь и Николас такой же. Так почему я так просто повелась на его внешность, на его мужественность, забыла заглянуть за резную дверь, остановившись у самого порога. И ведь могла угодить в такую ловушку.

ку, обрести такими проблемами.

Дед бы конечно все решил. Но стыдно...

В общем, главное, чтобы мама не узнала. Мне порой кажется, она меня насквозь видит. Я как-то с подругой поругалась. Из-за парня причем. Он мне даже не нужен был. Просто валентинку подарил в школе, а подруга в волосы вцепилась предательницей обозвала. Это было утром, а вечером за ужином мама уже сканировала меня и требовала объяснений.

Да все меня, как открытую книгу, читают. Вот и Николас прочитал. И переводчик не потребовался.

Зайдя в комнату, плюхаюсь на кровать и почти моментально засыпаю. Будит меня напевающая под нос Светка.

– Привет. Ну что? Как твой принц на черном тигуане? Блин, он, конечно, отпад. Хочу знать все в мельчайших, самых грязных подробностях.

– Да так... Погуляли, потом он меня в отель повез свой.

– Ого! Так вот сразу, – выпучивает она глаза свои карие. – А ты так просто к нему поехала? Вот уж и тихоня...

И тут она на время смотрит.

– А чего так быстро? Я, если честно, думала, тебя до утра не будет. Леху позвать хотела.

– Давай не сегодня. Я через пару дней все равно из города уезжаю, натрахаетесь вволю.

– Да погоди, ты ж не ответила.

– Да не было ничего у нас. Я что, совсем дура к нему в

отель пойти. Вернее...

– Что?

– Ну я, может, и пошла бы. – Уж если говорить, то все как на духу. Светка, чай, не чужая. – Но он начал грязью меня поливать, посчитал, что раз я такая доступная, то повелась на его миллиарды.

– Так че не сказала ему, кто ты?

– Серьезно? Может, еще и брак нужно было предложить по расчету, чтобы капиталы объединить? Да я видеть его больше никогда не хочу.

– Да-а, дела. Хочешь выпить?

– Хочу есть, если честно, – тянусь я, ощущая, как ноет желудок. – Он меня даже в ресторане не покормил, а уже шпехаться повез.

– Почему шпехаться? – рассмеялась Светка.

– Ну так немец он. Лучше бы и дальше врал, а он решил откровенным быть. Мол завтра самолет у него, а потом будем типа видеться. Если хорошо поработаю. Короче, мерзость...

Светка тащит меня в кафе на набережной. Она хоть и ела до этого, все равно не отказывается от большой порции картофеля с мясом. Я же уминаю бифштекс и салат.

После того как желудок набила, легче становится. Господи, это ж надо так убиваться.

Ну познакомилась я с женщиной, ну поцеловалась. Кстати, поцелуй был действительно замечательный. И я обяза-

тельно сохраняю в памяти эти ощущения, но без конкретики. Целоваться приятно и точка.

Уже через неделю я забуду этот нелепый эпизод и вспоминать не буду. Ни рук красивых, ни пальцев опытных, ни такой стремительный ответ собственного тела.

Так и происходит. Обида утихает, жизнь возвращается в свою колею. Я закрываю последние дела в универе, чтобы наконец вернуться к родителям и братьям. Их у меня двое. Близнецы и такие шумные, что хоть волком вой. Но умные. Такие вещи в свои девять лет конструируют, что порой рядом с ними тупой себя ощущаешь. Особенно если умничать начинают.

Пару дней мы собиралась и уже на все лето махнули к бабушке с дедушкой в Усть-Горск. Перед отъездом мелькнула вспышкой мысль, что я бы не поехала, уговори Николас меня остаться. Предложи поехать смотреть на горы в его доме. Ублюдок! Не буду о нем больше думать! И установку то я себе дала строгую, но это как на диету сесть. Сорваться можно...

А я и срывалась. Но только по ночам позволяю себе вспоминать.

Словно сама ковыряю только что заросшую корочкой ранку, пуская себе кровь. Зачем? Я и сама ответить на этот вопрос не могу. Просто, оставаясь в тишине, в своей комнате, окунаюсь в мысли с головой, думая о том, что случилось бы, не поведи он себя как мудака. Куда бы занесла меня моя

мимолетная страсть. Такая, что стоит вспомнить – и внизу живота сладкое тянет. Тело помнит, тело ждет продолжения. Но я ведь знаю, что его не будет. Можно верить в судьбу, но я вряд ли еще раз его увижу.

Очередная бессонная ночь в думах и фантазия и очередной ранний подъем. И почему я думала, что в Усть-Горске выплусь как следует?

Глава 6

Глаза разлепляю от солнечного света, который стремительно сменяет приятную мглу спальни.

– Настюш, уже восемь, сколько спать можно. Я ж соскучилась.

– Бабуль, – отворачиваюсь я и накрываюсь подушкой. – Ты хотела сказать, еще восемь. Я поспать хотела.

– Ну мало ли чего ты хотела.

Ну конечно... О чем я вообще.

В этом доме с чужим мнением не особо считаются. Есть некая иерархия, и дети там в самом низу. Причем возраст не важен. Есть дедушка. Борис Александрович Распутин. Владелец металлургического комбината, расположенного слева от города и по сути кормящего всю страну. Грозный дядька, но смешить даже умеет. Так вот ему никто никогда не перечит. Есть бабушка Нина.

Чудесная женщина, но мнение мужа для нее главное, и эта слепая преданность бесит. Нельзя же такой быть. Двадцать первый век на дворе. А здесь как будто время застыло. Не движется совсем. Вон даже обстановка, далека от современной.

Вот у родителей все иначе. Они на равных. Я тоже так хочу, чтобы никто никому не указывал, что делать, как жить, во что одеваться.

Но они весьма отлично отыгрывались на мне и братьях. Наверное, за все те годы, когда над ними верховодил дед. Впрочем, продолжаем с переменным успехом.

– На пенсии выпишешься. Вставай. Ты же помнишь, пока вы все здесь, завтракаем и ужинаем вместе.

Я выглядываю из-под подушки. Бабушка с улыбкой склоняется ко мне и ударяет по заднице. Вот тебе и пенсионерка.

На самом деле гены у меня что надо. Что бабушка, что мама очень красивые. Небольшие носы, раскосые голубые глаза и красивые русые волосы. Да и с фигурой повезло, что уж тут говорить. Хотя мы с мамой спортом занимаемся, а бабушка походы любит.

А вот по мужской стороне... Ну не могу я объективно называть отца и деда красавцами. Дядя и братья тоже. Нет, в них есть стержень, озорство, особая магия. Но не красавцы, чего таить.

Остается радоваться, что хоть в этом я всем им выигрываю. А то все такие умные, что тошно.

– Настя, – доносится из-за двери, и еле-еле поднимаю себя, чтобы хотя бы откинуть одеяло.

– Да иду я, иду.

Завтрак в восемь тридцать. Можно еще поспать.

– Настя!

Я поднимаю себя еще через пять минут, быстро принимаю душ и надеваю простой спортивный костюм голубого цвета на молнии. Прогуляюсь потом. Погода-то отличная.

– Всем доброе утро! – здороваюсь я, спускаясь по лестнице.

Меня все приветствуют. Каждый в своем духе. Дед отвлекается от газеты на мгновение, отец машет, а мать улыбается. Братья кивают, продолжая о чем-то горячо спорить. Мой дядя, почти мой ровесник, весело хмыкает. Он сын бабушки и дедушки. Родился на два года раньше меня. Но считает, что уже познал все тайны этого мира. Не зря же имя ему дали такое дебильное. Платон. Плат, если коротко.

– Привет, племяшка.

Да-да. Наверное, именно общение с ним сделало меня закаленной по части парней. Особенно тех, кто глаз на меня положил. Нет, Плат никогда ни словом, ни действием не оскорбил меня, но издевался знатно, демонстрируя мне и всему миру, что именно он его король. Наверное, тяжело жить с бременем, что ты единственный родной сын такого человека, как Распутин. Но если бы его хоть немного держали в узде. А то такое ощущение, что дед всю строгость растерял на старших детях.

Моих родителей. Да, я сама была не в восторге, когда узнала, что они брат и сестра. И пусть отец Ярослав не родной, но все равно они вместе росли. Дикость полная. Когда они сбежали и поженились, дед отказался с ними общаться. Простил только год спустя, когда меня привезли и скандал замяли.

Зато маме фамилию менять не пришлось.

– Привет, Настюш.

– Маша, привет, родная. – Домработница этого дома, почти еще одна бабушка, тепло улыбается. Вчера я увидела ее мельком, поздно прилетели, а сегодня улыбаюсь в ответ. Обнимаю, чувствуя привычный запах меда. – Можно мне блинчиков?

– Конечно, детка. Как твоя учеба? Все получается?

– А чего там не получаться? Ты бы еще на менеджера учиться пошла. А то чет высоко замахнулась, ин яз. Педагог!

– Платон, за языком следи.

– Не затыкай мне рот. Ты сам говорил, что это ее преподавание недостойно семьи Распутиных. Так че, я в собственном доме сдерживаться буду?

Бабуля пытается смягчить обстановку, вступаются отец, мать. Спорят, как обычно. А я? А мне все равно. Я всегда была не такой, как все они.

Мне никогда не хотелось успеха, признания, побед больших. Вообще быть частью этой элитной семьи довольно сложно. Порой кажется, что дед считает себя чуть ли не дворянином, а мы должны соответствовать этому высокому званию.

Только вот я не хочу. И когда меня в фигурное запихнули, я отпахала положенное на мастера спорта и уже на следующий день коньки выбросила. Потом эта экономика. Цифры. Никогда не любила считать деньги, может, потому что не

нуждалась. В общем, отец-то меня поддерживал, но главным в семье все равно был дед, и именно с ним были конфликты.

А мать... Мама защищала меня как могла. Наверное, только благодаря ей я и смогла противостоять ему. Вырваться и поступить куда хочу. Если уж честно, она единственная никогда не сдерживала моих бунтарских порывов.

– Кстати, если я не заслуживаю такой высокой чести завтракать за одним столом с королем, могу уехать. Прямо сейчас, – смотрю в глаза деду, на что он фыркает только.

– Ерунду не говори. И так вижу тебя раз в год. Никто тебя не осуждает.

– Ну-ну, в семье не без урода, – усмехаюсь и принимаюсь за блинчики. Шикарные. Тонкие. Нигде таких нет. Но аппетит здесь способны испортить в два счета.

– Да ладно прибедняться. Ты же симпатичная. Целибат когда снимешь?

Эта издевка. Она становится последней каплей. И не было бы истории с Николасом, я бы как обычно спустила все на тормозах. А тут выходит я почти сняла целибат. По своей дурости. Дура может и я, а пришибить хочется дядю.

И что я делаю. Бросаю в Платона яблоком. Тот уворачивается, хоккеист как никак, и оно попадает в вазу. Звон оглушительный, и я невольно смотрю на мать.

А все на меня. Такая тишина вокруг, словно я разделась и стриптиз начала танцевать. И кожа горит от стыда.

Но мама и бабуля смеются, смягчая тяжелый, густой воз-

дух.

– Думаю, папа с мамой будут мечтать, чтобы эти три месяца закончились побыстрее.

– Ну вот еще, – говорит бабушка, поднимаясь и целуя меня в макушку. – У нас давно не было так весело. Ну что, Насть. Пробежимся по лесу?

– С удовольствием. Только девчонкам убраться помогу.

Приходят горничные, и я с ним болтаю и убираю осколки. Хорошие девчонки. Лиза, Надя, Катя. Чуть старше меня и всю жизнь в Усть-Горске провели. Вот уж тут я сочувствую. Я бы с удовольствием весь мир объездила. Но кто меня отпустит. А я конечно бунтарка. Но историй про одиноких девушек в Европе мне рассказали не мало. Словно вынуждая понимать, как будет мне хреново, если семью предам.

– Мам? – захожу я к ней в комнату уже после обеда. Пробежка с бабушкой прошла в мимолетной болтовне о том, что изменилось в городе. И конечно ничего.

Мама только с Ледового пришла. Девчонок там тренирует. Она и меня тренировала. Но нечасто. Не могла на меня давить, а я без этого каталась со скоростью улитки. – Давай волосы расчешу?

Она улыбается, усаживается поудобнее возле зеркала и подает мне расческу. Ох, как я в детстве любила это дело. Особенно, если капризничала сильно. На каток не хотела ходить. Я таким вот образом извинялась.

– Расскажешь, что с тобой?

– А что со мной? – смотрю ей в глаза через зеркало. И словно вижу, какой стану через двадцать лет. Одно ведь лицо. Поразительно.

– Не знаю. Вспылила на Платона. Обычно ты спокойнее принимаешь его тычки. Сама знаешь какой он.

– Кто ж виноват, что он растет таким пустым. Отец не такой, а ведь тоже сын как бы...

– К Ярославу всегда отношение было другим. С ним папа был требовательнее.

– Ну вот и с этим надо было так же. А то устроился на все готовенькое. Даже думать не хочет.

– Ну ты тоже не права. Он заводом управлять будет.

– Да ну тебя. Там уже давно все на автоматике. Это как машинкой стиральной управлять. Только тупой не справится.

– Не согласна с тобой в корне, но ты от ответа ушла.

Я глаза отвожу. Вот же мама. Все знает. Но и отвечать не хочется. Признаваться в своей такой вот беспросветной тупости не хочется. И вдруг замечаю на столике журнал со свадебными платьями и ловлю этот спасательный круг.

– А кто у нас жениться собрался?

– О-о, как же я забыла тебе сказать. Мы с твоим отцом решили свадьбу сыграть. Повенчаться. Снова. Только уже на общее обозрение. Будет настоящий пир на весь мир.

Глава 7. Николас

Мне редко что-то снится. Обычно неясные образы, впечатления пройденного дня. И только последний месяц она. Пусть в тумане, пусть словно на большом расстоянии. Но все равно. И вот с чего бы? Обычная русская девчонка, которая очень хотела ко мне в постель, которую я сам очень хотел. Но я ведь не животное, чтобы не справляться с порывами. Чего-чего, а секса мне всегда хватало.

Я открываю глаза, вперившись в потолок с красивыми цветными лампами. Такими же цветными, как бахрома на сумке Насти. Настя... Я ведь мог ее трахнуть. Если бы не завел тот разговор, она бы точно пошла со мной. Что-что, а в уши лить я умею. Так что же меня смутило? Неясная, но явная схожесть с другой русской девчонкой, которая однажды меня бросила? А может, страх снова влипнуть и зависнуть в любви, от которой я когда-то отказался?

Любви, скажешь тоже.

– Ник, если проснулся, завтрак готов, – заглядывает в спальню соблазнительное видение в моей же рубашке. Но вместо улыбки Ингрид получает упрек.

– Я, кажется, просил мои рубашки не надевать. Они потом пахнут твоими духами так, что не одна химчистка не справляется.

Она поджигает губы и прямо при мне снимает ее, бро-

сая на пол. Но спокойно, без истерики. Она вообще к ним не склонна. В этом Ингрид хороша и как помощница, и как любовница.

И я радоваться должен, но в голове до сих пор гул от крика Насти, и в ноге ноющая фантомная боль, хотя времени прошло немало. Странно.

– Завтрак на столе. А тебе надо сменить химчистку.

– Вот и займись этим, – поднимаюсь я и иду в душ, пока Ингрид ждет в проеме. Ждет, что позову с собой, но ночных утех с нее достаточно. Не хватало, чтобы она еще на работе была уставшей.

В душе мысленно намечаю встречи на день и придумываю заранее вежливую фразу, чтобы остаться в квартире одному. Нет, Ингрид не назойливая, просто порой кажется, ее слишком много в моей жизни. На работе. Здесь. Уже и мать начала интересоваться, поженимся ли мы. Ей Ингрид нравится. Во-первых, из обеспеченной семьи, во-вторых, с хорошим воспитанием. У меня сама мать была такой. Более того, она была секретарем отца, когда забеременела мной.

Эта мысль выбивает почву из-под ног. Я не хочу семью. Когда-то, может, и думал об этом. Даже женился на любимой девушке, а потом как отрезало. И неважно, сколько мне при этом лет. Жизнь без сердечных обязательств меня полностью устраивает.

– Ты не беременна? – Ну привык я важные вопросы в лоб задавать.

Мы уже сидим за столом и пьем кофе с тостами. Вот уж завтрак так завтрак. Только иногда я вспоминаю завтраки в доме Распутиных и блинчики их домработницы Маши.

– Нет, мы же предохраняемся. А ты хотел был?

Может показаться, что в ее глазах мелькает надежда, но нет. Она не из тех, кто хочет стать матерью. Впрочем, будь у нас ребенок, он бы с точностью повторил мою судьбу. Все детство с нянями, которых я бы трахал по углам, всю юность в закрытых школах. А все потому, что ни у матери, ни у отца не было ни времени, ни желания заниматься воспитанием. Свой долг же выполняет, обеспечивает, кормит. И считает, что это достаточно.

Хочу ли я обрекать на это своего ребенка, даже гипотетического? Нет.

– Нет. Просто ты много общаешься с моей матерью.

– И что? – напрягается она.

– И то, что не иди у нее на поводу. Ребенка-то ты родишь, но жениться на себе не заставишь.

Ингрид обижается. Вот сейчас действительно. Идеальные брови напрягаются, а крылья носа чуть вздуваются.

– Я когда-нибудь давала повод думать, что хочу стать женой такого бабника, как ты? Если у меня и будет муж, то верный мне.

Вот уж точно удивительно. Я даже смотрю на кровать, где вчера она показывала, как хочет меня и только меня.

– Ну и что? Это просто секс без отрыва от работы. И пока

я думаю только о карьере. Или ты уже не планируешь отдать мне маркетинговый отдел?

– Ну если ты мне найдешь такую же полезную со всех сторон помощницу, то хоть сейчас.

– Найду. Не в этом году, но найду обязательно. А пока, может быть, прекратим обсуждать всякие глупости и начнем одеваться на работу? У нас сегодня множество встреч.

Она поднимается из-за стола, собирает свои идеально уложенные на стул вещи и уходит в ванную. Я смотрю на свои, столь же ровно уложенные на стул. Почему-то меня это смешит. Мы всегда прежде чем заняться сексом обязательно раздеваемся догола, чтобы не дай боже смять одежду.

Может, поэтому эпизод с той девчонкой выбил из колеи. Я никогда не поддавался спонтанной страсти и тем более не целовался в общественном месте или занимался сексом в машине. И ведь почти занялся. Готов был взять ее прямо там, наплевав на свои же принципы и правила. До сих пор чувствую запах ее секрети, кажется, вот он, на пальцах, хотя я даже не залез к ней в трусы.

– Ты возбуждился? – удивляется уже готовая Ингрид, пока я стою и смотрю на свою рубашку.

– Тебя так это удивило? – усмехаюсь я и смотрю на ее рот, уже в губной помаде. Почти незаметной.

– Просто у нас много работы, и тебе стоит думать о проекте с русской портовой компанией.

– Я всегда думаю о работе. А твоя задача помогать мне в

этом, — киваю на член, снимая с себя халат.

— Сейчас? Но я уже собралась.

— Времени у нас еще вагон, — усмехаюсь я и сам иду к ней. Знаю, что за внешним безразличием и желанием иметь верного мужика скрывается обыкновенная кошка, которая очень хочет только меня. — Иди сюда, порадуй своего босса.

Она кидает на пол подушку и садится на колени, пробормотав:

— Ненавижу тебя в такие моменты. Мне кажется, ты бы мог соблазнить и монашку, — проводит она лакированными пальчиками по члену, и я закрываю глаза.

— Меньше слов, больше дела.

Она берет в рот сразу и на всю длину. Ее не надо учить, говорить, как я люблю. Она никогда не была невинной, и я только радовался этому. Но сейчас, пока член разбухает во влажном, профессиональном рту, я почему-то думаю об аквамариновых глазах. О нежных губах, которые не отрылись бы сразу, а дрожали от волнения, прикасаясь к самой головке. А я бы учил ее принимать член в самое горло, дышать строго через нос и пальчиками поглаживать яички.

Ингрид ничему не надо учить, она все умеет сама. Сразу умела.

Кончаю я с раздражающим образом Насти в голове. Но не допускаю ошибку и выдыхаю:

— Ингрид.

Она сглатывает мое семя и через минуту выглядит так, словно только что лекцию читала о минете, а не занималась практикой.

– Все? Теперь мы можем ехать?

– Тебе бы пошел кожаный костюм, – усмехаюсь я, натягивая белье и штаны.

– В смысле?

– Ты такая строгая, только плетки не хватает.

– Я бы не была такой строгой, если бы в последний месяц ты постоянно не витал в облаках и думал, как раньше, о работе. И что за явное пристрастие к молоденьким? Ты с девочек из отдела контрактов глаз неводишь.

Да, потому что они ходят в джинсах.

– Ерунда. И в любом случае, ты для этого на меня и работаешь, чтобы контролировать.

В течение дня мы больше не припираемся. Да и времени на это нет. Встречи весь день в разных точках города, а вечером встреча с родителями, которые почему-то решили снова сойтись. А на следующий день у нас запланирована поездка в Санкт-Петербург.

И когда мы прилетаем туда и я беру недавно купленную там машину, невольно задумываюсь, успею ли до вылета доехать до Москвы. Просто проверить, как там мой «Тигуан» и проехаться мимо университета, где учится Настя. Зачем? Может быть, дать ей шанс? Так сказать, предложить отношения, от которых сам отказался. Просто сложно предста-

вить ее в роли любовницы. Она для этого слишком молода и невинна. И, конечно, скорее всего, она надеялась на любовь со мной до гроба. Я, по сути, спас ее от будущих разочарований. И сейчас, разумеется, просто хочу проверить, все ли у нее нормально.

Ингрид недовольна, что я еду в Москву один, а ее отправляю обратно на самолете. И, конечно, недовольна, что не говорю ей причины своей поездки. Но как обычно не говорит ничего лишнего, спокойно прощаясь.

Настя не такая. Настя с огоньком и устроила бы мне настоящий скандал.

Я долетаю до Москвы за пару часов и сразу устремляюсь к универу. Жду там битых три часа, пока мне вдруг в стекло не стучит яркая молодая блондинка.

– Привет, – улыбается она, когда я опускаю стекло.

Где-то я ее видел, но не помню где.

– Простите, вы здесь так давно стоите, подумала, может, помощь нужна.

– Нет, красавица, – смотрю на ее простенькое платье и туфли на высоком каблуке. Да, пожалуй, это как раз тот тип, который ищет вариант выгоднее. – Просто отдыхаю. Скучаю даже...

– Ну так я могла бы составить вам компанию.

Ох уж эта русская бесцеремонность. Зачем ждать, когда мужчина заговорит с тобой, лучше сама. Надежнее. А если нет, то ведь можно другого найти. Настя не такая. А я не

настолько голоден, чтобы мараться с этой девкой.

– Интересно, а зовут тебя как?

– Дак зачем меня звать, я сама прихожу, – смеется она излишне громко, приоткрывая чуть пожелтевшие зубы. Курить тоже надо уметь. – Света я. Ну так что?

– А Настю знаешь, Светлана?

– Вы хоть можете представить, сколько Насть в нашем вузе? Фамилию знаете?

– Нет. Только имя. Хотя могу внешность описать.

– Так мы все тут одинаковые, как я пойму.

– Нет, Светлана, далеко не одинаковые. Хорошего дня, – закрываю я окно, замечая, как стирается ее улыбка, и вжимаю газ в пол. Ради интереса можно по соцсетям поискать Настю. Где-то она точно должна быть.

Только вот скажет ли она спасибо, если я ее найду?

Глава 8. Николас

Если знать имя и как человек выглядит, то можно найти кого угодно.

И этот самый факт остановил меня.

Я уже набрал человека, который мог бы мне помочь, чисто по описанию и вузу найти Настю, но остановил себя.

Как остановил себя в тот день, когда мы стояли возле отеля.

Это не нормально. Не должно взрослого мужика так крыть из-за какой-то малолетки. Не должен он улыбку ее вспоминать, как на поцелуи отвечала, как устроила истерику после оскорблений.

А ведь могла и спасибо сказать. Спас ее считай. Не трахнулись бы мы, ну обменялись телефонами. А дальше что? Отношения на расстоянии. Или к себе ее забрать?

И надолго бы меня хватило?

Это с Ингрид у нас давние отношения, а остальных я воспринимаю лишь как разовые объекты. Так что, пусть спасибо скажет. Спас ее честь считай для какого-нибудь полудурка ровесника. Который неумелыми руками будет грудь трогать, с презервативом долго возиться.

Вот зачем я себя накручиваю? Что за нездоровая хрень?

Я даже в сторону отъехал, потому что перед глазами туман встал. Задыхался. Сжимал руль руками, пытаюсь в себя

прийти. Ладно, это временно. Надо плотнее делами заняться и не будет больше возможности думать о той, чье тело словно фарфоровое требует особого отношения. Ласк более опытных. Чтобы не отбилося желание заниматься сексом в дальнейшем.

Но я несколько раз вдохнул, выдохнул и погнал в аэропорт. Хватит уже здесь придаваться нелепым страданиям.

Вот только в Домодедово сразу воспоминания нахлынули. Словно в прошлое вернулся в тот момент, когда Миру Распутину ждал двадцать лет назад. Ту самую.

Вот здесь пил кофе.

Вот здесь ходил по кругу, как зверь раненный.

И все надеялся меня выберет. Что не зря я два года возле нее кружил, терпел закидоны. Мы ведь даже поженились. Громко, с шиком. Отец мне потом долго припоминал несколько потраченных миллионов.

А потом выяснилось, что мой лучший друг и ее брат ей совсем не брат. Не родные они.

И Мира поплыла. Но я верил, верил, что она придет. Что выберет меня. И она пришла. Не было приделу моей радости. Но разочарование было столь же стремительным, болезненным, загоняющим иглы под ногти.

С ней пришел и мой лучший друг Ярослав. Тоже Распутин. Как удобно.

Ковылял на одной ноге, за Мирославу держался. Он в момент нашей свадьбы в аварию попал, вот тогда правда и

всплыла, когда ему переливание потребовалось. И он конечно ее не отпустил. Глупо было надеяться. Да и она не особо ко мне рвалась. И, наверное, случись это позже я бы поборолся, а тогда я дал им жить. Подписал все необходимые бумаги и уехал в Канаду в хоккей играть.

Это потом я взялся за бизнес отца, потому что тот плох стал, а я единственный наследник. Обязательства мать их.

– Вам кофе сделать, мужчина? – неформальная бариста меня уже третий раз спрашивает, но я отворачиваюсь.

– Нет, спасибо.

Я не пил капучино много лет, так же много, как не видел эту пару. Бывшую жену и бывшего лучшего друга.

Все их звонки и попытки встретится напрочь игнорировал. Закрыв ту страницу и выбросил книгу.

Но каждый раз, прилетая в Россию я боюсь найти ту книгу, заглянуть туда, куда нельзя.

Ингрид звонит перед самым вылетом, интересуется как съездил, нашел ли то, что искал.

Нет и не буду искать. Глупо было.

Я отвечаю почти без эмоций, а сам думаю, может и правда жениться на ней. По крайней мере когда состарюсь она никуда не денется, слишком сильны в ней те же порывы к заботе, как и у матери моей. Даже о муже, который гуляет. Мать к отцу вернулась, когда тот с раком слег. И ухаживала до последнего. Сделала бы это одна из тех шлюх, которых он подарками задаривал, да вряд ли.

Я ожидал, когда войду в вип зону для первого класса, когда меня откликнули.

Мою фамилию и имя знали в Европе. Там в каждом углу знают мосты Фогеля, дороги, автомагистраль. Но в Россию я только недавно решил прийти со своим бизнесом. Особенно касательно дорог и мостов. С этим здесь всегда были проблемы.

Но в России меня никто не знает, кроме случайных знакомых, которых я не видел двадцать лет.

Если только. Нет. Бред. Нельзя на такой большой территории получить от судьбы удар. Выстрел из прошлого. Но чем ближе раздавался голос, тем острее я хотел рвануть вперед.

И тут же себя ругаю. Что я как пацан. Ну Мира. Ну Распутина. Ну любовь первая. Времени то сколько прошло? Отболело давно.

– Ник! Господи! Думала не ты. Как же я рада! – буквально налетает на меня и к себе прижимает. А я запах ее ловлю, пытаюсь прочувствовать что-то. Но сердце, только что рвавшееся от страха их груди успокаивается, а руки спокойно ее отстраняют, даже не желая не отпускать.

– Ты изменился. На самом деле кажется возраст тебе к лицу. И плечи шире стали, волосы потемнели. И вообще.

– Время творит чудеса.

Она хлопает глазами, а я морщинки в уголках глаз рассматриваю, и чуть возле губ, там, где мышцы работают при улыбке.

– Хоть бы комплимент сказал.

– Ты почти не изменилась.

Мира смеется. И мне кажется, что впервые ее смех меня раздражает. Раньше нравится вроде. И глаза нравились. Голубые. И волосы русые. Теперь они темнее намного.

Она все такая же стройная, но все равно полнее. Грудь больше, бедра раздались. Хороша, но меня больше к ней не тянет.

– Вот же ты лжец. Но спасибо, всегда приятно слышать такое от мужчины. Особенного такого как ты.

Я оглядываюсь, изображая испуг.

– Ты меня подставить хочешь? Или Яр уже сзади с ружьем у моего затылка?

Она снова смеется, а я морщусь. Ну что такое. Что вообще мне в ней нравилось. Она обожала комплименты, внимание, подарки, дорогие места, успех. Наверное, не будь для нее это все данностью, не будь она наследницей самой богатой семьи в стране я бы даже сказал, что она жадная до денег.

Но нет. В ней всегда было тщеславие, но никогда жадности.

– Яр дома остался. А я с мамой. Помнишь ее? – точно. Нина. Мне она нравилась, хотя и очень давила на дочь. Я вежливо поцеловал руку, когда услышал посадку на свой рейс. Не то чтобы я хотел сбежать, но и желания находиться с ними у меня не было.

– Мне пора. Рад был встрече, – чушь.

– О, а наш самолет только через пол часа.

– В Европу? Выступаешь? – ну и зачем?

– У меня подопечная летит. Соревнования юниорские в Талине. Вон она с матерью стоит. Эллина Березовская, еще услышишь это имя. – Показывает она на девчонку. – Жаль только дочка моя не поехала. Я бы вас познакомила. Знаешь, Яр долго надо мной подшучивал что она твоя.

Она улыбается, а у меня внутренности холодеют.

– Между нами ничего не было.

– Конечно нет. Ну шутил он. Ревнует. Знаешь ведь его.

– Знал, – отрезаю – Давно было, Мир. Был рад встрече.

Почти кланяюсь ее матери и ухожу к карману своего самолета. Киваю симпатичной стюардессе, и она заливается краской. Кажется, полет пройдет не так скучно.

– Ник.

Ну что еще.

Оборачиваюсь, когда рядом оказывается Мира. Её все знают, даже задержать не попытались.

– Ты отдалился от нас. Совсем. – вот те на. Улыбки долой, рубим правду матку.

– Были причины. Но это все в прошлом, сама понимаешь.

– Точно? – она приподнимает фигурную бровь, складывая руки на груди. А я пытаюсь возбудить почувствовать, хоть отголоски того, когда хотел быть с ней. Но спокойно встречался два года, общаясь интимно только с рукой. – Может

ты все еще...

– Нет, Мира. Думаю, с тебя одного одержимого чудака вполне хватило.

– Тогда может на нашу свадьбу приедешь?

– Свадьбу? Вы что, не поженились?

– Мы расписались. Тогда еще. Но быстро как-то, тайком.

А мне хочется...

Понятно. Внимания.

– Как у нас было, с пышком, с президентом в первом ряду.

– Ну да. Мы уже все подготовили. Девятнадцатое августа.

Яр был бы рад тебя увидеть.

– Точно? А не думаешь, что это не нормально приглашать бывшего мужа на свадьбу?

– Нет. Не чужие же, – пожимает она тонкими плечами и это движение кажется мне странно знакомым. Даже под ложечкой сосет. – Ну, так что?

– Давай я ничего обещать не буду.

– А ты в России зачем был.

– Не из-за тебя, – уже раздражает ее уверенность, что каждая собака должна до гроба ее любить. Как она карьеру то фигуристки оставила, вообще парадокс.

– Как же ты стал... Ну ладно. Действительно двадцать лет очень много.

– Господин Фогель, – уже заканчивается посадка.

– Ты все равно приезжай. Я тебя с детьми познакомлю.

– Тоже мировые звезды, – уже идти надо, а я стою, пыта-

юсь понять, что за внутренний дискомфорт в груди образовался. Я не люблю ее. Да и не любил. Скорее мне хотелось разделить тот мирок дружбы, который был у них с Ярославом. Стать частью чего-то настоящего. Но я словно пазл в голове рассыпал сейчас и собрать пытаюсь. И скорее всего соберу и отпущу эту историю окончательно там, на их свадьбе.

– Где будет мероприятие?

– В Усть – горске! В нашем доме!

– Ладно. Приеду.

– Отлично! – засияла она, улыбнулась, а я уже отвернулся и пошел к самолету.

Мне кажется ничего отличного в этом нет. Мне кажется я себе сейчас удавку на шею кинул и сам затянул.

Только почему, сам не понимаю.

Глава 9. Настя

Все – таки мне всегда здесь нравилось. Не смотря на гнет успешных родственников, подколы Платона и пристальное внимание к моей персоне деда, мне здесь нравилось.

Огромный дом со множеством комнат, территория по которой я совершенно спокойно могу гулять ничего не опасаясь, и даже ледовый дворец где я почти каждый день круги по льду наворачиваю. Без давления мамы и бабушки делать это гораздо интереснее. Хотя немного гложет, что я разочаровала их. Мама может об этом не говорить, может даже не показывать. Вон как она общается со своей подопечной Березовской, с которой планирует поехать на юношеские соревнования в Европу. Буквально гордость ее берет, когда та четверные прыгает.

Я даже учиться на них не стала.

– Как покаталась? – спрашивает мама, когда ее тренировка закончена и мы собираемся домой.

– Да, хорошо. Народу немного, можно и погонять.

– Ты готова?

– Да.

– О, вон нас Ярослав встречает, – действительно папа. И как он на маму смотрит. Мне даже неудобно становится.

Вообще последний месяц все как будто сговорились. Бабушка с дедушкой кажется вообще не стареют в этом плане.

Им лет много, а все взгляды горячие друг на друга бросают. Платон девушку свою очередную привез, и она теперь с него почти не слезает. Ну он хоть от меня отстал. Да даже близнецы и те дружат с близняшками со своей площадки спортивной.

Каждой тваре по паре. Может я поэтому с Машей больше общаться стала. Она как и я одна.

Просто какой-то рай для влюбленных этот Усть – Горск. На восьмое июля праздник готовят, прям крупный с салютом и конкурсами.

Но я решила не идти на него. У меня нет никого, кому бы я была верна и кого бы любила. Хоть и мог такой человек появиться, но очевидно Николас не из тех, кто верность хранит.

Я сижу на окне и смотрю за огнями, что за деревьями красивые блики бросают на верхушки. Там народ вовсю веселится, а мне и одной хорошо. И пусть о Нике я думаю слишком часто, но и это пройдет. Совсем скоро я не буду вспоминать первый поцелуй, терпкие губы, язык чуть шершавый, что меня с ума сводил. С ним казалось я в машине на огромной скорости, и сама сломала тормоза, чтобы разбиться. И ведь именно он ручник поднял, гадости заговорил, словно предостерег от роковой ошибки.

К такому выводу я конечно пришла не сразу. После долгих обид и череды проклятий в его сторону пришло понимание, что мужчина так просто не отказался бы от сладенького

в виде глупой невинной овцы, какой я тогда предстала. Буду честна с самой собой, если бы не те его слова, я бы пошла. С утра бы страдала, но уверена, что пережила бы незабываемую ночь. А если уж с кем и лишаться девственности, то с таким как Николас.

С сильным, уверенным в себе, опытным.

Была даже идея найти его, просто посмотреть, как живет. Но я быстро топила в занятости такие порывы. Незачем душу беречь.

Может быть реально стоит на кого-то другого переключиться, как советует Светка. А Света Пугаева плохого ведь не посоветует. Она одна из тех, кто после очередного расставания спокойно переключается на другой объект. Клином клином как говорится. Ну у нее парни с самой юности спокойно менялись. Почему же мне так сложно забыть дурацкий эпизод, словно нет в мире больше мужчин.

Есть и я им нравлюсь. На катке вон двое хоккеистов из местной команды на свидание звали, даже зная кто мой отец и дед. Смелые, симпатичные. А мне не нравятся. Я все думаю, что общаются они как-то по-хамски. Нет в них стержня как у Ника. Да и просто не тянет меня к ним, что уж лукавить.

Это уже не нормально. Нужно как-то проблему решать, а то до старости буду вспоминать глупое свидание.

Еще до прихода парочек я легла спать. В мою комнату по очереди заглядывали. Отец, мать, бабушка. Я лежала без

движения чтобы не выслушивать, как им было весело.

Через неделю мы провожали маму с бабушкой в Москву, где она сядет в Аэропорт и полетит в Талин. Девочка эта Эллина. Мне нравилась. Не было в ней того высокомерия, которое очень часто встретишь в фигуристах. Она была простая и всегда общалась с улыбкой.

– Ты сама то хочешь участвовать? – спросила я ее, пока наши мамы чай пили в местном аэропорту. Вертолет уже был готов к вылету. А мы болтали, попивая кофе. Эллина худенькая, чернобровая, но что интересно блондинка. Очень интересный тип. Необычный.

– Конечно! Я с детства об этом мечтаю. А тут еще за границей побывать. Из глуши нашей вырваться. Ты-то наверное там частый гость.

– Не без этого, – не стала продолжать я. Интересно, а судьба дала бы мне шанс, если бы я поехала в Европу? Увидела бы я Николаса?

– Насть, точно с нами не хочешь?

– Нет, да и уже билет не взять.

– Я договорюсь.

– Знаю, мам. Но давай в следующий раз. Я лучше дома побуду. Да и я хотела научиться блинчики готовить.

– Это конечно важнее. Ладно, – целует она меня. – На связи, Настюш. Не шали.

– Ты тоже, – смеюсь я, киваю Березовской с ее матерью. Иду обратно в машину. Здесь нас возит только водитель. Дед

вообще против того, чтобы я за рулем сидела.

Он как обычно на заводе. Порой мне кажется, что это его единственная страсть. Помимо бабули.

Дома я сразу иду на кухню. Маша уже выставляла на стол яйца, муку, молоко, сахар.

– Проводила?

– Ага. Ну давай, рассказывай, что делать.

Вообще мне не стыдно, что готовить я не особо умею. Маме никогда не было нужно учиться, а бабушка Машу обижать не хочет. Но я почему-то вспомнила как-то, что у Ника любимое блюдо блины с разными начинками. И конечно решила, что одно блюдо я могу научиться приготовить.

Глупо конечно, мне никогда не придется для него это делать, или щеголять в его рубашке, как в самых смелых фантазиях. Да если быть честной, то мне даже встретить его вряд ли удастся.

Но это как обычно, если я себе втемяшила в голову, что буду уметь жарить блины, то не отступлю.

– Хватит намешивать, Насть. Добавь чайную ложку соли и немного подсолнечного масла.

Я выполняю все, как она говорит, а зачем ставлю сковороду на комфорку индукционную. Маша приготовила сливочное масло, чтобы смазывать блины после жарки. Да, калорий в них вагон, но забываешь о них, когда на вкус пробуешь.

Маша кивает, нахваливает, а я вдруг думаю. Ну и говорю

сразу.

– Маш, а почему у тебя своих детей нет?

– А кто же вас будет нянчить?

– Ну все равно. Неужели не хотелось? – смотрю я на нее.

Она очень симпатичная. И полнота ее совсем не портит.

– Ну так для детей мужчина нужен, а когда мне его заводить, когда я на кухне всегда.

– А раньше? Ну, до работы на деда.

– Ну был один. Красивый такой, на заводе нашем работал. Бегала к нему, обеды таскала каждый день. Правда я не одна у него была. Но узнала я об этом, когда в тюрьму к нему пришла, передачку принесла, – она рассказала, что его посадили за крупную кражу с завода. С такими не церемонились.

– Боже... А что потом?

– А потом мама заболела, и я совсем соплюха сюда пришла. Буквально заставила Бориса Александровича взять себя горничной. Да так и осталась. Была кстати единственной, кто в штаны ему не лез, – смеется она, а я улыбаюсь.

– А почему? Не хотелось?

– Ну, мало ли что мне хотелось. Он выкидывал сразу из дома, если девка его соблазняла. И я знала об этом. А у меня мама. И я поняла, что работа лучше удовлетворения чего-то там. В общем маме сделали по его навету операцию дорогостоящую и она прожила еще лет пять, а потом все. А я так и осталась здесь. Потом Нина появилась, потом Мира. В общем не до личной жизни.

– И тебе не одиноко? – хочется плакать от того, насколько эта женщина на самом деле несчастна.

– Я работой себя развлекаю, знаю, что вы все меня любите. Мне нравится считать себя частью семьи, но мне бы не хотелось, чтобы ты мою судьбу повторила.

– В смысле?

– Ну обидел тебя кто-то, вижу же, – я переворачиваю уже шестой блин. – Не стоит из-за одного всех судить.

– Да нет, – смеюсь я неловко. – У нас и не было ничего. Просто погуляли, поцеловались. Он хотел развлечься, о чем и сообщил мне.

– Он идиот и просто плохо знает тебя.

– Ему не этого хотелось, – играю я бровями, а Маша смеется. И тут в кухню заглядывают близнецы, а за ними и Платон.

– Настя и блины? А я думал ты только запахами питаешься.

– Ну да, не чета твоей сочной подружке, – надуваю я щеки, за что меня по заднице бьет Маша. – Ну что? Согласись, ей бы скинуть.

– Не всем мужикам доски нравятся, – усмехается Платон. – Так что, когда блины будут? Я готов пожрать.

– Ну раз готов, завари чай, – командует Маша, а Платон за сердце хватается.

– Я?

– Ты. Если конечно блинов хочешь.

Он неспешно подходит к столешнице и вздыхает.

– Я так понимаю, сегодня день смены ролей.

Мы смеемся и садимся за стол. Я только периодически бегаю к сковородке, чтобы очередную порцию блинов снять. Мы действительно отлично проводит время. Позже к нам присоединяется дедушка и девушка Платона. Я ей не завидую, но фигура у нее конечно красивая. Грудь большая, талия. У меня кажется вообще ничего этого нет. Может поэтому Николас решил со мной не возиться?

Но вот только не об этом мои мысли, когда в комнату к себе поднимаюсь и падаю на кровать, пытаюсь вздохнуть от набитого желудка.

О словах Маши. Потом о том, что говорит Светка. Может пора выкинуть из головы Ника и начать жить полной жизнью? Согласиться на свидание с одним из хоккеистов. С тем, что не травил пошлые шутки.

И словно в подтверждение моих планов на телефон прилетает смс.

«Привет, Настя, как проходит лето?»

Я изучаю номер, чувствуя, как сердце бухает вниз. Дыхание перехватывает, и я переворачиваюсь на живот, смотря на короткую строчку, словно на икону. Надеюсь, что это Ник. И уже собираюсь ответить остроумно, заинтересовать его, как приходит новое смс. Руша все надежды.

«Это Женя. Из сервиса. Помнишь?»

А следом фотография этого самого Жени в том самом сервисе. Без рубашки. Так, сказать, товар лицом.

И я прикусываю губу, подавляя разочарование. Думаю, только о том, что даже не видела торс Николаса вживую. Да и не увижу.

Тогда и расстраиваться не стоит. А стоит обратить внимание на парня, которого я интересую. Я, а не моя фамилия или мои капиталы. И сгребая себя в кучу я отвечаю.

«Я слишком далеко, так что буду любоваться твоим торсом на фотографии. Привет, Женя.»

«Ну в сентябре же ты вернешься. А я знаешь какой терпеливый.»

* * *

Дорогие читатели, не пугайтесь. Пока книга находится в стадии черновика я могу чудить)))) И первое и последнее что я хочу сделать, это изменить название. Оно может отпугнуть, но мне кажется он подойдет к этой истории гораздо больше. Спасибо, что читаете.

Глава 10. Николас

Я вернулся в Берн¹ и уже на следующий день поехал в офис.

Ингрид даже была удивлена моему раннему появлению и тем более тому, что я весь день пытался занять себя важными объектами и даже провел собрание акционеров.

Нет, дело не в моей резкой любви к работе, просто не хотел занимать голову мыслями о Распутиных.

¹ Берн – столица Швейцарии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.